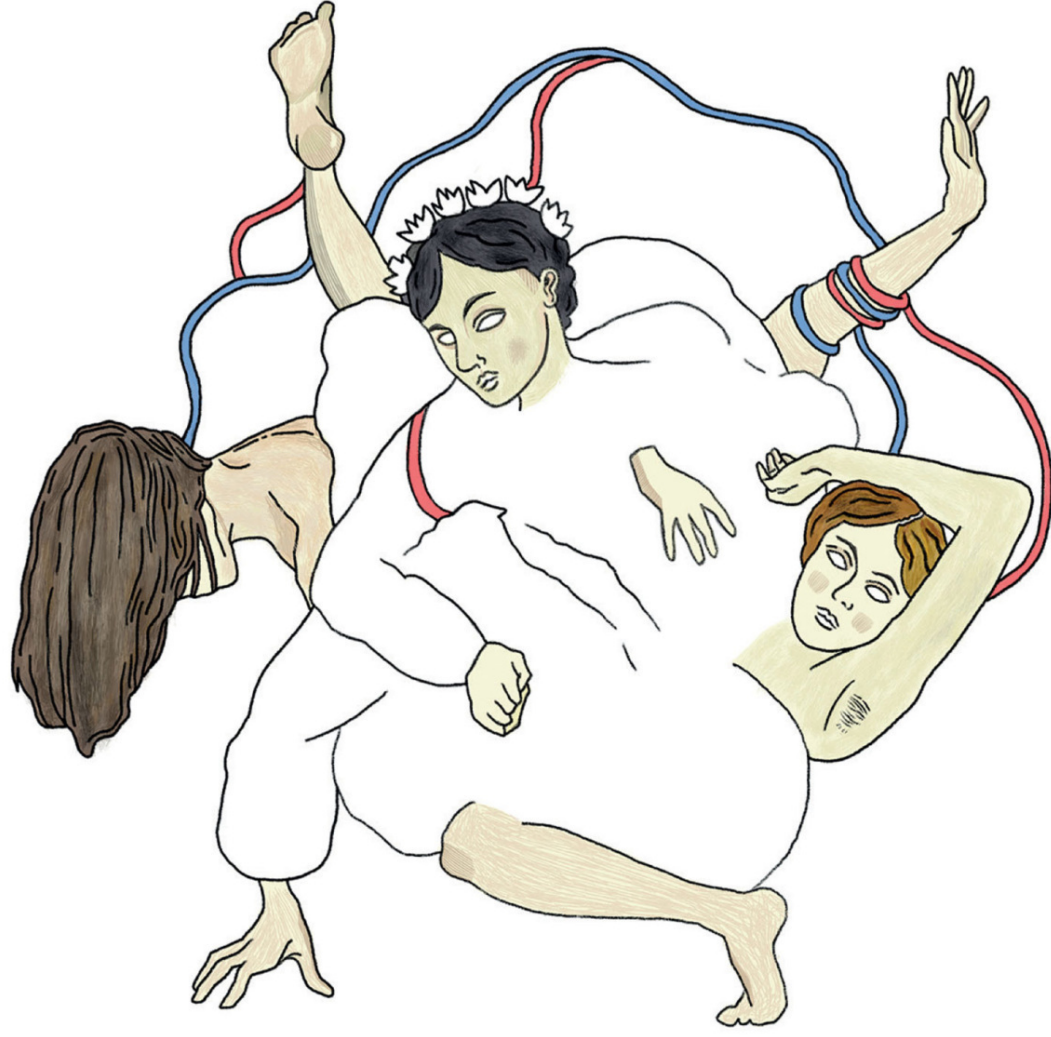

Девочки и институции

Дарья Серенко

*Девочки и
институции*

Дарья Серенко

Девочки и институты

«ВЕБКНИГА»

2021

Серенко Д.

Девочки и институции / Д. Серенко — «ВЕБКНИГА», 2021

ISBN 978-5-6046450-9-3

Героини «Девочек и институций» работают в государственных учреждениях культуры. Это особый мир, похожий на морок, стремящийся навязать свои непрозрачные законы каждой и каждому, кто попал туда. Жалобы в департамент, подотчетные мероприятия, квартальные премии, отчеты и выговоры составляют основу повседневности этого мира. Девочки здесь – вторичный элемент системы, на котором, впрочем, вся эта система и держится. С системой они вступают в сложные и нередко созависимые отношения: живут по ее законам, иногда бунтуют, иногда подчиняются, скорбят, радуются и танцуют, уходят и возвращаются. Дарья Серенко попыталась описать этот мир девочек и институций, чтобы сделать хор сотен девочек различимее за привычным шумом госмашины и официальной культуры. «Девочки и институции» – точный портрет эпохи, в которую мы живем, портрет, написанный с невидимого раньше ракурса. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-6046450-9-3

© Серенко Д., 2021
© ВЕБКНИГА, 2021

Содержание

Предисловие	6
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Дарья Серенко

Девочки и институты

© Дарья Серенко, 2021

© Мария Кувшинова, предисловие, 2021

© Ксения Чарьева, иллюстрации, послесловие, 2021

© Издание на русском языке, оформление. No Kidding Press, 2021, 2022

* * *

Цикл для девочек и институций

Посвящается Соне Сно и Оксане Васякиной

Предисловие

На вопрос «Зачем существует официальная российская культура?» (со всеми своими институциями, бюджетными дотациями, фиктивными отчетами, георгиевскими ленточками, вплетенными в любое дело, фобиями и отсутствующими смыслами) теперь есть ответ: ради того, чтобы появился текст, описывающий эту систему с позиции самого бесправного ее элемента. Возможно, «Девочки и институции» – то единственное, что останется от официальной российской культуры путинских десятилетий, когда государственная идеология редуцировалась до государственной физиологии.

В голливудских фильмах герой иногда позволяет монстру проглотить себя, чтобы через несколько мгновений вырваться наружу, разорвав чудовище изнутри. В «Девочках и институциях» бессловесный элемент системы, от которого, как от кошки (украшения коллектива), никто не ждет реплик, оказывается внутри и описывает те механизмы, которые не предназначены для описания – из позиции, которая не предполагает взгляд.

Культура иерархична, как путинская вертикаль, объясняют нам, и на вершине иерархии стоит художник (вероятнее всего, мужчина или женщина из семьи потомственной гуманитарной интеллигенции), а у подножия его пьедестала суетятся девочки: подносят краски и кисти, служат музами, убирают помещение для выставки, готовят еду, заполняют бланки строгой отчетности, подделывают статистику посещаемости людей и животных, работают в бухгалтерии, садятся в тюрьму в случае растраты. Современность со всеми ее противоречиями не проникает в этот герметичный мир, получающий дотации государства на бесконечное воспроизводство кошмара, по выражению Кирилла Кобрин, неистории («Всё это уже было. Мы с девочками уже лежали в окровавленных гимнастерках, а Юлия Друнина переплетала наши мертвые косы георгиевскими лентами. Дети уже читали стихи на сцене. Ветераны уже вставляли и уходили»).

«Девочки – самый дешевый ресурс на планете», – с горечью напоминает своему антагонисту Наташа Романофф, Черная Вдова, супергероиня из вселенной Marvel, лишенная репродуктивных функций и превращенная в машину для убийства. В случае обычных девочек, которым не удалили матку перед отправкой в тренировочную программу «Красная комната» и не научили смертоносным ударам, репродуктивная функция становится еще одним непроходимым фильтром на пути от обобщения к индивидуальной судьбе. Нет смысла платить им большую зарплату, нет смысла повышать их или открывать возможности для самореализации, ведь они всё равно уйдут в декрет, освободив места для новых девочек, а если даже и вернуться на прежнее место, будут без энтузиазма отбывать рабочие часы, чтобы вечером поспешить к своей семье, ибо такова их природа (когда ты живешь в царстве живых, а работаешь в царстве мертвых, твоя природа велит тебе уходить домой пораньше). Обобщение всех женщин системы в единый живородящий организм описывается Серенко изнутри этого коллективного тела уже в первых абзацах книги: «С девочками мы часто превращались в одно функциональное многорукое и многоногое существо, ликующее, всесильное и сокрушительное, – в такие моменты я переставала ощущать собственную немощь и слабость в ногах».

Суммируя опыт и голоса десятков невидимых безмолвных девочек, Дарья Серенко оказывается авторкой этого текста не только потому, что она его написала. Защищая право итальянского химика Примо Леви, выжившего в Освенциме и потому считавшего самого себя нелегитимным свидетелем (те, кто прошли и познали этот путь до конца, не выжили и свидетельствовать не могут), философ Джорджо Агамбен в книге *Homo Sacer* прослеживает исторические трансформации понятия «автор» к латинским корням и латинскому праву, где *auctor* наделял дополнительной юридической силой того, кто в ней нуждался, и мог свидетельствовать от лица того, кто свидетельствовать не может. От лица тысяч безымянных девочек, женщин,

которые составляют кровеносную систему официальной российской культуры, но не имеют права на имена и голоса.

Девочки у Серенко несут и выплескивают кровь в самом прямом смысле – пролитая кровь превращает их рабочие места в невидимые поля сражений (или кровь, которую Родина пьет из них по чуть-чуть): кровь месячных, синхронизированных с днем аванса; кровь из носа, кровь из пальца, порезанного о зарплатный квиток; кровь из мозолей от непривычно долгих прогулок после увольнения. Кровь режима, которую девочки мечтают однажды увидеть на своих руках.

Не имея никакой власти ни в реальном, ни в фантасмагорическом мире, авторка тем не менее обладает бесконечной властью над языком, по своей воле или возвращая пустым словесным конструкциям («я за тебя кровь проливал») их буквальное значение, или перекодируя слова из репрессивного лексикона, превращая их в вербальный акт освобождения: выговор – это когда тебе позволяют выговориться; сокращение и слияние – путь к сиянию; иноагент – это агент иного.

Агент_ка иного, обладающая невидимой миру агентностью, свободно перемещается по эту и по ту границу абсурда. Наблюдая за тем, как фейсбучные посты Дарьи Серенко о работе в реальных государственных институциях постепенно трансформируются в литературу, понимаешь, что существующая система, сделавшая своей идеологией отрицание реальности и на каждом новом витке расхождения с ней увеличивающая градус бреда, может быть документально описана только как кошмарный сон, который видит девочка накануне пробуждения.

Мария Кувишинова

* * *

Когда я впервые пришла на работу в госучреждение, сначала я увидела только девочек. Они так сами себя и называли – «девочки», переключая интонацию с восклицательной на вопросительную в зависимости от того, какая катастрофа разворачивалась вокруг. А катастрофы – это я тоже поняла сразу – были неотъемлемой частью нашей нестабильной повседневной космогонии, изо всех сил пытающейся укорениться в рабочем распорядке дня.

Мы работали в маленькой районной библиотеке в офисе без окон. Компьютеры девочек выглядели больше, чем сами девочки. Иногда за широкими мониторами и гудением системных блоков девочек было не видно и не слышно – приходилось привставать с кресла, чтобы убедиться в живом человеческом соприсутствии. Отсутствие окон в помещении, видимо, было компенсировано фотообоями, наклеенными во всю стену: тропическая зелень и бурный отвесный водопад, несущий свои вспененные потоки сверху вниз, – картинка, напоминающая ежедневно не о свежем воздухе, а о вертикальности иерархий.

Девочки приняли меня как свою. Я еще пыталась какое-то время по привычке сохранять телесную автономию: отдельно обедать, отдельно добираться на автобусе до метро, – но очень скоро ценность этой отдельности потеряла для меня всякий смысл. Моя жизнь в тот момент в целом тоже была катастрофой, поэтому на работе я чувствовала себя как дома: было весело и страшно, а границы частного и публичного размывались алкоголем и дедами. С девочками мы часто превращались в одно функциональное многорукое и многоногое существо, ликующее, всесильное и сокрушительное, – в такие моменты я переставала ощущать собственную немощь и слабость в ногах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.